

МУЗЫКА

революционных зорь

Возрождение кантаты
Сергея Прокофьева

ПРОКОФЬЕВ всю светлую и веселую жизнь воевал с косными слуховыми «предрассудками», с представлениями о некоей незыблемости границ того, что подвластно музыке, и того, что доступно отдельным ее жанрам. Вводя в оперу обыкновенную прозу, «омузыкаливая» подлинную речь героев Толстого или Достоевского, — казалось бы, вовсе не оперную и противоречащую законам вокальной мелодики, — он убедительно доказал художественную правомерность своих творческих экспериментов. Сегодня мы воспринимаем его «Войну и мир» как один из подлинно классических шедевров русского оперного искусства, хотя и этот шедевр поначалу вызывал немало споров и сомнений.

Но положить на музыку фрагменты из трудов Маркса и Ленина, цитаты из исторических партийных документов? Подобный замысел был настолько дерзостно смелым, ошеломляюще необычным, что прокофьевская кантата «К 20-летию Октября» осталась неопубликованной и ей пришлось почти три десятка лет дожидаться первого исполнения.

И вот кантата, наконец, прозвучала в Большом зале консерватории в исполнении оркестра Московской государственной филармонии и Республиканской русской хоровой капеллы (руководитель — А. Юрлов) под управлением дирижера К. Кондрашина. Прозвучала ярко, темпераментно и одухотворенно.

Грандиозность содержания, острая публицистичность и плакатность текстов потребовали, естественно, грандиозного арсенала звуковых средств: кроме симфонического оркестра и хора, в партитуре использованы военный духовой оркестр, ансамбль баянистов, разнообразный набор шумовых инструментов.

Симфоническое вступление, эпиграфом к которому служат знаменитые пророческие слова «Коммунистического манифеста» («Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»), воссоздает ожидание грядущих революционных потрясений. Одна из заключительных частей кантаты — «Симфония» рисует

всю светлую и веселую жизнь воевал с косными слуховыми «предрассудками», с представлениями о некоей незыблемости границ того, что подвластно музыке, и того, что доступно отдельным ее жанрам. Вводя в оперу обыкновенную прозу, «омузыкаливая» подлинную речь героев Толстого или Достоевского, — казалось бы, вовсе не оперную и противоречащую законам вокальной мелодики, — он убедительно доказал художественную правомерность своих творческих экспериментов. Сегодня мы воспринимаем его «Войну и мир» как один из подлинно классических шедевров русского оперного искусства, хотя и этот шедевр поначалу вызывал немало споров и сомнений.

Прокофьеву удалось сочетать живую достоверность, почти зримую осязаемость изображения с высоким пафосом, выпуклость деталей с глубиной и силой эстетического обобщения. И удалось прежде всего потому, что он не пошел путем музыкальной иллюстрации избранных текстов, а сумел услышать в них «музыку мысли», благородного, героического деяния и воплотить эту внутреннюю музыку в эмоционально насыщенных мелодических образах.

С какой неожиданной пластической красотой, гибкостью и свободой дыхания звучит, например, во второй части мелодия хора на слова «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Хоровой массив разделен надвое, и в то время, как одна половина упрямо, словно ученые-педанты, бормочет «философы, философы...», другая вступает с темой, символизирующей утверждение нового, активного взгляда на мир.

Прокофьев — вдохновенный поэт и Прокофьев — блистательный живописец в этой незаслуженно забытой кантате стоят на уровне своих лучших творений. Многие ее страницы непосредственно превосходят стиль «Александра Невского» и «Войны и мира», музыки к фильму «Иван Грозный».

Судя по реакции слушателей, да и по горячей увлеченности исполнителей, можно с уверенностью сказать, что это произведение должно занять постоянное почетное место на нашей концертной эстраде.

М. САБИНИНА,
кандидат искусствоведения.

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

г. Москва

6 МАЯ 1966